

Парень, лежавший на кассе, судя по всему, засиделся в одном положении и почувствовал себя некомфортно. Спросонья он немного отодвинул стул назад, а руку, что до этого подпирала голову, поднял и закинул за затылок, открыв взору подол синей форменной куртки, который раньше загоразживала стойка кассы.

Из-за этого движения белый лист бумаги, на котором он лежал, тоже чуть сместился в сторону, смутно обнажая несколько строчек текста:

Правила супермаркета Первой старшей школы:

1. Часы работы супермаркета — с восьми утра до семи вечера, в остальное время вход в супермаркет категорически запрещен.
2. В супермаркете есть только сотрудники в синей спецодежде, и это единственный персонал. Если вы заметите кого-то в спецодежде другого цвета, игнорируйте их и немедленно покиньте супермаркет.

.....

Проходя мимо учебного корпуса, Чу Чжичжи заглянула внутрь, сверила время на наручных часах с большими часами в холле, перевела стрелки и снова направилась к общежитию.

Она тихонько толкнула дверь комнаты, Хэ Синь еще не спала. Услышав звук открывающейся двери, та осторожно высунула голову с верхней койки и, словно испуганная крольчиха, оставшаяся дома одна, с опаской посмотрела на вошедшую. Увидев, что это Чу Чжичжи, она наконец успокоилась.— Почему не заперла дверь? Это же так небезопасно, — Чу Чжичжи небрежно задвинула засов и тихонько произнесла:

— Я же оставляла для тебя, — Хэ Синь потёрла глаза и сонно пробормотала: — Я ведь не спала, так что вряд ли случится что-то серьёзное.

Чу Чжичжи покачала головой:

— Ради безопасности в следующий раз всё-таки запирай. Я волнуюсь, когда ты остаёшься в комнате одна, так будет спокойнее. Она так и не вернулась?

Хэ Синь не сразу сообразила, но затем поняла, что под словом «она» подразумевается женщина-офисный служащий. Девочка покачала головой, немного поколебалась и нерешительно пробормотала:

— Я... я в обед... видела её в столовой. — Она бросила взгляд на Чу Чжичжи и, заметив на её лице полное спокойствие, опустила голову и тихо закончила: — Я видела, как она ела маосюэван и суп из свиных рёбрышек...

Чу Чжичжи всё поняла и вздохнула: будь то прежняя женщина или нынешняя, женщина-офисный служащий больше никогда не вернётся.

Больше она не стала уделять внимания этому вопросу, лишь холодно уставилась на часы, висевшие на стене напротив, а затем взглянула на собственные — было час пятьдесят. Время было тем же самым — ровно час пятьдесят.

Она нахмурилась, гадая, не перевёл ли кто-то тайком часы в комнате назад, или же её собственные часы кто-то незаметно подкрутил.

Цц, пожалуй, первый вариант казался более вероятным, но часы всё равно стали бесполезны, а значит, подремать в этот раз снова не удастся. При мысли о потерянных часах сна Чу Чжичжи слегка раздражённо вздохнула.

Она сделала несколько шагов вперёд, по приставной лесенке забралась на свою кровать и встретила взглядом с Хэ Синь, стараясь говорить как можно мягче и успокаивающе:

— Спи дальше, отдохни в обед подольше, иначе во второй половине дня будешь вялой. Не переживай, я буду следить за временем.

— Угу. — Хэ Синь покорно кивнула и послушно уткнулась обратно в одеяло. От неё донёлся робкий, тихий голосок: — Я ложусь, сестрица Линь Чжи, приятного тебе дня.

— И тебе.

Хэ Синь со спокойной душой закрыла глаза, невольно выдохнув с облегчением. Утром, когда она подбила женщину-офисного работника украсть книгу Линь Чжи, она проявила особую осторожность и внимательно осмотрела обстановку вокруг. Она была уверена, что её маленькая уловка останется незамеченной и весь процесс никто не увидит — разоблачить должны были только ту женщину, которая совершила кражу, и обнаружил бы это Инь Чанхэ.

Всё произошло именно так, как она и рассчитывала: заметив, что женщина украла книгу Линь Чжи, Инь Чанхэ без колебаний выложил всё на чистую воду и при всех прямо потребовал ответа, не оставив ей ни капли надежды на сохранение лица.

Хотя в итоге старик Цянь остановил Инь Чанхэ и грандиозного скандала удалось избежать, было очевидно, что остальные участники отныне бойкотируют воровку.

А когда в полдень она заметила, что женщина-офисный работник в открытую нарушила правила, её радость многократно перевесила страх. Даже если бы та не пострадала от общего бойкота, она всё равно была обречена на смерть.

На какое-то мгновение Хэ Синь показалось, что теперь её жизнь прожита не зря. Ради этого зрелища стоило покинуть реальный мир и оказаться в этом жутком месте.

Как здорово, как же здорово! Неужели она сама ищет смерти? Ха-ха-ха-ха-ха, просто великолепно, как замечательно! Что бы ни случилось, живой ей отсюда уже не вернуться, ха-ха-ха. Её мать заболела — поделом ей, кто просил её вырастить такого монстра? Ха-ха-ха-ха-ха, как прекрасно! Теперь она тоже умерла, поистине замечательно.

При этой мысли она удовлетворённо улыбнулась, невольно вспомнив себя в реальной жизни,

когда она только-только добралась до школы:

Это был её первый раз, когда она покидала родную горную деревушку и попадала в шумный город.

Шёл как раз первый месяц после начала учебы, и она помнила всё до мельчайших деталей — в тот день был её день рождения.

Она бережно, обеими руками, держала свой новый телефон. Характеристики у него были заурядные, модель самая обыкновенная, но зато самая последняя, сезонная новинка. Симпатичный корпус полностью отвечал эстетике юной девушки — она купила его, отработав два летних месяца на подработке во время каникул. С его помощью можно было созваниваться с бабушкой в глухой деревушке, и он же стал подарком самой себе на шестнадцатый день рождения. Она родилась первого октября; после смерти родителей она жила с бабушкой, и поскольку жизнь в семье становилась всё тяжелее и тяжелее, она, проявляя понимание, больше никогда не просила подарков на день рождения.

Но в этот раз она поступила в ключевую старшую школу провинции и захотела это отпраздновать.

Она потратила двухмесячную зарплату, чтобы тщательно выбрать новый телефон в честь того, что вырвалась из той горной глуши, и отныне сможет начать свою собственную новую жизнь.

Она радостно предавалась мечтам о прекрасном будущем: вот она ещё немного подкопит денег, заберёт к себе бабушку, и тогда они смогут зажить вместе в городе.

Однако в следующее мгновение телефон у неё отобрали. Глядя на трёх-четырёх нарядно и броско одетых девчонок, а затем на свои собственные запylённые, грязные обноски, она с чувством неполноценности опустила голову и тихо пробормотала:

— Я сама его купила.

Стоявшая в самом центре и самая красивая из них вертела в руках её телефон, презрительно усмехнувшись. Тот взгляд, полный высокомерия, она помнит так живо, будто это было вчера:

— Такая последняя новинка разве по карману какой-то мусорке вроде тебя?

Девчонки скрутили ей руки и притащили к учителю, наперебой обвиняя её в краже чужого телефона.

Три-четверти смазливых девиц обступили сидевшего посередине учителя, наперебой и шумно выкрикивая наперегонки:

— Ли-ли столько месяцев копила карманные деньги, чтобы купить этот телефон...

— Да-да! Она даже не смела тратить то, что ей давала старшая сестра...

— Мы ведь сами ходили выбирать его вместе, и этот телефон был самым красивым...

.....

Она видела, как та девочка стояла позади всех, опустив голову и молча, а когда изредка поднимала взгляд, её глаза были полны слёз, готовых пролиться. Яркая и прекрасная, словно маленькая принцесса, ей не нужно было ничего говорить — стоило лишь стоять там, и она была во всём права.

Но ведь это телефон, который я заработала тяжелым трудом на подработке, потратив почти два месяца на то, чтобы скопить денег! Я не крада его! — с трудом выдавила она из себя, пытаясь защититься.

— У тебя есть какие-нибудь доказательства? — глядя на неё, учитель поправил очки и задал вопрос.

Она открыла рот, но не смогла произнести ни единого слова. Коробка от телефона давным-давно была выброшена — она понятия не имела, что подобные вещи нужно сохранять, а хозяин магазинчика, где она подрабатывала, не стал бы свидетельствовать в её пользу: они бы ни за что не признались, что использовали детский труд.

У неё не было доказательств, чтобы доказать, что купленный телефон принадлежал ей.

Никто ей не верил.

С одной стороны — забитая серая девочка из отдаленной деревушки, сирота с обоими покровителями на том свете, неуклюжая и неразговорливая, влачащая жалкое существование под опекой престарелой бабушки.

С другой — избалованная девчонка, возвращенная в городе, умная, красивая, одетая по последней моде и изысканно. Она окружена любовью учителей и родителей, а старшая сестра, уже вышедшая на работу, то и дело балует её карманными деньгами. Разве могла такая лучезарная и ослепительная маленькая принцесса оклеветать перемазанную грязью сиротку?

Никто ей не верил.

— Если ты не признаешься, мы вызовем твоих родителей, — бесстрастно произнёс учитель, оглашая последний ультиматум.

Чтобы не тревожить пожилую бабушку, ей оставалось лишь опустить голову и признать, будто это она украла чужой телефон.

Стоя на возвышении перед кладоистов и глядя на тёмную, сплошную массу голов внизу, она чувствовала, что её сердце погрузилось в такую же мрачную, угольно-чёрную мглу.

Ей стало нечем дышать, и отчаяние расползлось по её груди.

Она смотрела на тех людей, что тыкали в неё пальцами — все они стояли на недостижимых высотах морали, размахивая знамёнами справедливости, озарённые ослепительным сиянием.

Все они олицетворяли собой правосудие.

Только не она.

Никто ей не верил.

Ей казалось, будто она видит, как её новенькая школьная жизнь надламывается страшной, рваной трещиной: одна половина её по-прежнему залита солнцем, а другая соскальзывает в бездонную, чёрную пучину.

<http://bllate.org/book/21405/2184151>